

Le Repentir

Gloire au Seigneur de ce qu'il nous a donné le repentir, et par le repentir nous serons tous sauvés, sans exception. Seuls ne seront pas sauvés ceux qui ne veulent pas se repentir : c'est en cela que je vois leur désespoir, et je pleure beaucoup par compassion pour eux. Ils n'ont pas connu par le Saint-Esprit combien est grande la miséricorde divine. Mais si toute âme connaissait le Seigneur, savait combien il nous aime, alors personne ne désespérerait et même ne murmurerait jamais.

Toute âme qui a perdu la paix doit se repentir, et le Seigneur lui pardonnera ses péchés. Alors la joie et la paix régneront de nouveau dans l'âme. On n'a pas besoin d'autres témoins, car le Saint-Esprit lui-même témoigne que les péchés sont pardonnés. Voici un signe du pardon des péchés : si tu hais le péché, c'est que le Seigneur t'a pardonné tes péchés.

Et qu'attendrions-nous encore ! Que quelqu'un du haut des Cieux nous chante un chant céleste ! Mais au Ciel tout vit par Saint-Esprit, et sur terre le Seigneur nous a donné le même Saint-Esprit. Dans les églises, les services divins sont accomplis par Saint-Esprit ; dans les déserts, sur les montagnes, dans les cavernes et partout, les ascètes du Christ vivent par le Saint-Esprit ; et si nous le gardons, nous serons libres de toutes ténèbres, et la vie éternelle sera dans nos âmes dès ici-bas.

Si tous les hommes se repentaient et gardaient les commandements divins, alors le Paradis serait sur terre, car le " Royaume Dieu est au-dedans de nous ". Le Royaume de Dieu, c'est le Saint-Esprit, et le Saint-Esprit est le même au Ciel et sur la terre.

À celui qui se repent, le Seigneur donne le Paradis et le Royaume éternel, et il se donne lui-même. Dans sa grande miséricorde, il ne se souviendra pas de nos péchés, comme il ne s'est pas souvenu de ceux du larron crucifié à côté de lui.

Seigneur, grande est ta miséricorde. Qui saura te rendre grâce comme il convient, de nous avoir donné sur terre le Saint-Esprit ?

Seigneur, grande est ta justice. Tu as promis à tes Apôtres : " Je ne vous laisserai pas orphelins ". Maintenant, en effet, nous expérimentons cette miséricorde, et notre âme sent que le Seigneur nous aime. Mais celui qui ne le sent pas, qu'il se repente et vive selon volonté de Dieu, et alors le Seigneur lui donnera sa grâce qui guidera son âme. Mais si tu vois un homme qui pêche, et que tu n'as pas de compassion pour lui, alors la grâce t'abandonnera.

Il nous a été commandé d'aimer ; l'amour du Christ a pitié de tous les hommes, et le Saint-Esprit apprend à l'âme à observer les commandements divins, et lui donne les forces pour accomplir le bien.

Extrait de Starets Silouane : Moine du Mont Athos - Vie - Doctrine - Écrits, par Archimandrite Sophrony (Éditions Présence, Sisteron, 1973).

Diocèse de Chersonèse – Patriarcat de Moscou

PAROISSE SAINT SERAPHIN DE SAROV

15, RUE FRANCOIS-XAVIER - 33520 BRUGES

<http://egliserusse-bordeaux.fr> 07.83.81.09.42

Приходской листок

№4

Bulletin paroissial

Воскресенье 21 февраля 2016

Dimanche 21 février 2016

Неделя о мытаре и фарисее. Dimanche du Publicain et du Pharisien.

Чтение из Священного Писания на Литургии

От Луки Святое Благовествование (Лк, 18; 10-14)

Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику! Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится.

Текст для Литургии в Воскресенье

Лecture de l'Évangile selon Saint Luc (Luc, 18; 10-14)

Deux hommes montèrent au temple pour prier ; l'un était pharisien, et l'autre publicain. Le pharisien, debout, pria ainsi en lui-même: O Dieu, je te rends grâce de ce que je ne suis pas comme le reste des hommes, qui sont ravisseurs, injustes, adultères, ou même comme ce publicain; je jeûne deux fois la semaine, je donne la dîme de tous mes revenus. Le publicain, se tenant à distance, n'osait même pas lever les yeux au ciel ; mais il se frappait la poitrine, en disant : O Dieu, sois apaisé envers moi, qui suis un pécheur. Je vous le dis, celui-ci descendit dans sa maison justifié, plutôt que l'autre. Car quiconque s'élève sera abaissé, et celui qui s'abaisse sera élevé.

Притча о мытаре и фарисее

Мы привыкли презирать и осуждать фарисея: нам кажется, что сегодняшнее Евангелие дает нам на это право — он будто осужден Самим Христом. Но мы забываем, что надменная праведность фарисея стоила дорого ему и подобным ему людям. Это были люди подвига и убеждения; по коротким словам, которые о нем сказаны в Евангелии, он постится дважды в неделю, то есть воздаст Богу не только то, что должен бы воздавать по закону, но больше, сверх меры: он дает Богу от своего усердия. И одновременно он дает значительную часть своего дохода нуждающимся, то есть и к людям тоже он обращен каким-то, хоть и суровым, подвигом жизни. Поэтому нельзя легко судить о нем. Фарисеи были люди, которые были готовы понести тяготу своего подвига; но разбивался этот подвиг о правду Божию на том, что из своего подвига они черпали сознание какой-то мнимой праведности, а любви не достигали.

Вот он вошел в храм, не остановился у притолоки, не вспомнил, что находится в храме Бога Живого, что нет твари, которая не должна бы пасть перед Ним в трепете, в ужасе, в любви. Он пришел твердым шагом и занял свое место в храме — он на это место “имеет право”; он живет достойно, по правилам Церкви, и потому стоит он там, где имеет право стоять.

Разве это не страшно и не осуждающе похоже на нас? Как часто мы знаем, что у нас есть перед Богом, среди людей место и что есть у нас место, я не говорю — в вещественном храме, но в том таинственном, незримом храме, который есть мироздание, трепетно собранное вокруг Живого Бога своего. Мы тоже часто думаем: “Мое место — тут, а его — там”.

А “там” стоял человек, который по суду людскому действительно не имел никакого пути вперед, в передние ряды праведников Господних. Он был собирателем податей, но как он отличался от современных! Он просто был прислужником оккупантов-римлян, которые поработили народ израильский, всячески его притесняли и искали в его же среде таких людей, которые будут только заниматься побором, собирать их дань. И конечно, такие люди были всеми ненавидимы, потому что законом их жизни было вымогательство, была твердость, была жестокость, была беспощадность.

Но одному, видно, этот мытарь научился в той страшной, жестокой жизни, которую он вел среди себе подобных и среди жертв ожесточения людского. Он научился, что не выжить человеку в страшном человеческом обществе, если хотя бы на мгновение не будет приостанавливаться закон, если хотя бы на мгновение не будет проявляться жалость, милосердие. Если

все будет идти по писанному, если все будет делаться так, как по праву можно поступать, то ни один человек не уцелеет.

И вот он стал у притолоки, зная, что по правде людской и по правде Божией он заслуживает ту же беспощадную жестокость, какую он сам применяет изо дня в день; и он стал там, бия себя в грудь, ибо знал, что заслужить никакого милосердия нельзя, — милосердие не заслуживается, никакого милосердия купить нельзя, ни быть достойным его нельзя — его только вымолить можно; оно может прийти как чудо, как непонятное, совершенно неожиданное чудо, когда праведность склоняется перед грехом, когда милосердие вдруг прорывается там, где должна бы проявиться правда — высокая, беспощадная правда. Он стоит весь в грехе своем, не смея войти в область правды Божией, потому что там для него нет прощения, а стоит он у притолоки, надеясь, что до края этого храма, до края праведности и через край ее перельется милость, жалость, сострадание, милосердие, что с ним случится незаслуженное и невозможное.

И потому что он верит в это, потому что жизнь его именно этому научила — что случается невозможное, и только невозможное делает жизнь людскую возможной, — он стоит, и до него доходит Божие прощение. Христос нам говорит, что этот ушел более оправданным, чем другой. Фарисей не был просто осужден: до часа смертного можно надеяться на прощение, и он был праведен, он был труженик, он вкладывал усилие души и тела в праведность свою. Она была бесплодна, из нее не высекалась даже и искра сострадания и любви — и, однако, это была праведность... А неправедность получила прощение.

Вот, подумаем об этом; подумаем о том, во-первых, являемся ли мы хотя бы фарисеями, есть ли в нас вообще какая-то правда, правда перед людьми, с доброделием, правда перед Богом — то есть отдаем ли мы Ему должное, то, на что Он просто имеет право? А потом поставим перед собой вопрос: лишены даже и праведности фарисея, не являемся ли мы такими же, как и он, безлюбивыми, бессердечными, мертвыми душой? Как мы смотрим на ближнего — в храме, вне храма, в жизни, в семье, на работе, на улице, в газете, везде: единичного ближнего и коллективного ближнего? Как мы на них смотрим, как мы о них судим, не имея опоры даже в истинной, хотя и мертвой, праведности фарисея?.. Аминь.

*Проповедь митрополита Антония Сурожского, 2 февраля 1969 г.,
Источник: <http://azbyka.ru/days/2016-02-21>*